

РОССИЯ В 1913 ГОДУ

В.И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

Рассматривается экономическое развитие Российской империи в конце XIX – начале XX веков. Обсуждаются реальные и надуманные причины отставания развития России от ведущих стран мира и проблемы межстрановых сравнений. Показано, что в этот период российская экономика не могла не развиваться экстенсивно, но уровень научно-технического развития был близок к уровню передовых стран. Экономические и политические реформы были необходимы, но проводились с большим опозданием. Институциональная отсталость России сдерживала экономический рост, но не смогла его остановить.

Ключевые слова: уровень экономического развития, долгосрочный экономический рост, международные сравнения, институты, аграрная политика, сельскохозяйственная миграция, демографическая ситуация, структурные сдвиги

Для советских экономистов 1913 г. был базой для сравнения поступательного развития отечественной экономики, основанием для оценки успехов реального социализма и предметом профессиональных шуток в узком кругу. Этот год завершал мирный период развития Российской империи. В следующем году началась война, которую сейчас называют Первой мировой, а тогда в России называли Германской или Второй отечественной. Война завершилась для нашей страны революцией и гражданской войной, разрухой, голодом и террором. Эта череда катаклизмов породила огромный разброс оценок предреволюционного развития России, причем со временем крайние оценки только еще больше расходились.

Что касается официальной историографии тех лет, важнейшим событием года было празднование 300-летия дома Романовых. В связи с этим событием, как и в нынешнее время, публиковались многочисленные статьи и книги, популярные буклеты и иллюстрированные календари, содержавшие, помимо прочего, массу любопытных сведений.

Дискуссия об уровне развития России в начале XX века, продолжающаяся до сих пор, связана не столько с появлением новых данных, сколько с текущей политикой и манипулированием общественным мнением. Как и сто лет назад, это выражается в подборе индикаторов и базы для сравнения. Успехи и неудачи в развитии дореволюционной России

становятся более понятными в сравнении с нынешними проблемами. История важна не только из праздного любопытства, ностальгии и для идеологического обоснования решений, но, главным образом, для понимания пройденного пути и осмысления нынешней ситуации.

Легенда о фатальном отставании России

Можно смело утверждать, что представление о России как об отсталой и архаичной стране имеет длительную историю. Поскольку отставание от ведущих европейских стран фиксировалось на протяжении веков, получило широкое распространение мнение о бесконечном догоняющем развитии России, что последовательно объяснялось климатом, пространством, религией и особенностями национального характера. Любопытно, что подобная оценка была широко распространена по обе стороны российской границы с европейскими странами.

Что касается западных интеллектуалов и общественного мнения, то к ним претензий нет. Уже в середине XIX века в Европе и многих других странах абсолютная монархия, государственный клерикализм и крепостное право считались дикостью. Нельзя забывать, что Россия на протяжении десятилетий была «жандармом Европы», по выражению А.И. Герцена. Кроме того, отечественные революционеры охотно принимались в европейских странах и могли открыто излагать свою точку зрения на российскую действительность. Определенную роль сыграло и империалистическое соперничество России с другими великими державами на Балканах, в Турции, Персии и Китае. Россия располагала наиболее многочисленными вооруженными силами в мире, что не способствовало росту доверия к ее политике.

Иностранец, попадавший в Россию, обычно был ошарашен бескрайностью просторов, невероятным разрывом между блеском имперской столицы и бурной жизнью небольшого числа городов, с одной стороны, и сонным существованием малых городов и местечек, убожеством деревенского быта в центральной части страны – с другой. Не последнюю роль играло и поведение значительной части наших соотечественников за рубежом. Марк Твен отмечал, что если вы хотите, чтобы в Германии или Швейцарии вас обслужили по первому классу, выдавайте себя за русских или румын, отличавшихся

экстравагантным поведением и щедрыми чаевыми. Вместе с тем Россия представлялась европейской страной, а ее жители – в большей мере европейцами. Интерес к российской культуре и участие российских подданных и выходцев из России во всех аспектах европейской жизни подтверждают это.

Но широкое распространение представления об отсталости России внутри страны определялось совсем другими причинами. Разумеется, в XIX веке Россия отставала в своем технологическом и институциональном развитии от ведущих держав. Идеей о фатальной отсталости России и бесконечном догоняющем развитии мы обязаны отечественным «западникам», которые переносили критику отдельных архаичных институтов на все стороны общественной жизни, в отличие от представителей идеологии славянофильства, говоривших о своеобразии и самобытности идеологии и хозяйственно-бытового уклада и, следовательно, особом историческом пути России. Если Россия – особый мир со своими законами, то любые сравнения с другими странами теряют смысл, и проблема отставания снимается.

Приверженцы как традиционализма, так и западничества были далеко не однородны по своим устремлениям. К традиционалистам, помимо славянофилов, можно отнести крайних националистов, с одной стороны, и революционеров-народовольцев – с другой. К западникам можно отнести либералов, считавших необходимыми вестернизацию институтов, привлечение иностранных капиталов и специалистов, всемерную интеграцию России в мировые хозяйственные и культурные отношения, а также марксистов всех направлений, революционных и «легальных», по выражению В.И. Ленина.

Существует множество свидетельств современников, наглядно демонстрирующих отсталость России в начале XX века. Но свидетельства очевидцев не всегда следует принимать на веру. Во-первых, они могут фиксировать крайние случаи, нехарактерные для других частей такой огромной и разнообразной страны. Во-вторых, часто люди воспринимают относительные индикаторы как абсолютные. Например, более медленный рост доходов сельского населения по сравнению с городским может восприниматься как обнищание деревни. Наконец, современники часто не могут правильно оценить долгосрочные тенденции. В целом ужасающее положение

рабочих в крупных городах постепенно улучшалось: они переезжали из казарм в отдельные комнаты или даже квартиры, но процесс затягивался на десятилетия. Медленно, но росла заработная плата даже наемных рабочих в сельском хозяйстве. Данные, подтверждающие рост благосостояния в сельской России, опубликовал С.Г. Струмилин, который показал, что средняя реальная заработная плата наемных рабочих в сельском хозяйстве выросла с 1890 г. по 1905 г. на 14%, что было бы невозможным при снижении доходов крестьян¹.

Либералы справедливо указывали на то, что отдельные реформы институтов шли медленно, непоследовательно и часто сменялись контрреформами. Именно это обстоятельство, по их мнению, сдерживало развитие производительных сил и рост продуктивности хозяйства. На обширном статистическом материале они доказывали, что отставание России от ведущих держав не только не сокращается, но и в некоторых областях увеличивается.

Другую цель преследовал революционный марксизм. В.И. Ленину и его последователям было необходимо объяснить, почему, вопреки предсказаниям К. Маркса, социалистическая революция должна произойти (и произошла) не одновременно в ведущих капиталистических странах, а в России – «слабом звене» этих стран. В.И. Ленин обосновывал наличие в России сгустка противоречий и предпосылок социалистической революции именно отсталостью страны: сохранением феодальных пережитков в деревне, сверхэксплуатацией пролетариата, сконцентрированного в сравнительно небольшом числе промышленных центров, и фактическим статусом России как полуколонии западных держав. Эти идеи были в значительной мере восприняты многими зарубежными исследователями и публицистами.

Советские исследователи, политики и пропагандисты использовали тезис об отсталости России для обоснования чрезвычайных мер в экономике и социальной сфере в советский период. Действительно, если вы получили в наследство страну со слабой и однобокой промышленностью, отсталым сельским хозяйством и неразвитой транспортной инфраструктурой,

¹ Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. – М.: Наука, 1982. – 471 с. Рост доходов успешных хозяйств обгонял процессы разорения других семей и рост пролетаризации в сельском хозяйстве.

неграмотным населением и т.д., то проблемы строительства социализма, да еще после разрушительной войны и во враждебном окружении, вполне объяснимы. Равно как и неизбежны чрезвычайные меры для решения этих проблем. Любопытно, что в царской России было не принято при обосновании решений ссылаться на тяжелое наследство, доставшееся от предшественников, но это стало нормой в советский и постсоветский периоды.

Разумеется, представление о России как об особом мире с собственными законами развития, равно как и неизбежность вечного догоняющего развития, заставляющего вспомнить притчу об Ахиллесе и черепахе, являются не более чем идеологическими схемами, объясняющими и оправдывающими ту или иную политику.

Сравнения с другими странами. Немного о статистике

Оценки масштабов отставания России от передовых стран содержат немало лукавства. Сравнить Россию в целом с метрополиями других империй не совсем корректно. Вошедшие во все отечественные учебники истории данные о душевых объемах производства электроэнергии, металлов, а также плотности железных дорог, уровне урбанизации и грамотности населения и т.п. нужно воспринимать с осторожностью. Дело в том, что колонии Российской империи, в отличие от других стран, не были заморскими территориями. Если же сопоставить Российскую империю с Британской, Бельгийской, Голландской или Французской целиком, то сравнение по тем же показателям даст иные результаты.

Другим приемом стало сравнение России только с ведущими странами. Никто и не собирался сравнивать Россию с Португалией, Грецией, Оттоманской империей или даже с Японией, не говоря уже о Китае. Сейчас в мире почти в пять раз больше стран, чем 100 лет назад. Тогда Россия входила в десятку наиболее развитых стран мира. Сейчас же она вынуждена довольствоваться скромным местом в шестом–седьмом десятке по душевым показателям. Оценки институционального развития и инвестиционного климата тогда не проводились, но вряд ли место России в мире и разрыв с другими странами были хуже нынешних.

Уровень технологического развития также трудно оценить, но Россия могла производить военные корабли всех классов, на что были способны не более полудюжины стран. Это же касается основной части вооружений, технологический уровень которых вполне соответствовал зарубежным аналогам. Качество российской продукции промышленности и ремесел было достаточно высоким, что подтверждается медалями на международных выставках. Россия была единственной страной, вступившей в мировую войну, имея тяжелую бомбардировочную авиацию, и т.д.

Российская промышленность постепенно диверсифицировалась. В начале XX века быстро развивались такие отрасли, как авиа- и автомобилестроение, электротехническая промышленность, химия и другие. Но эти отрасли еще не смогли стать драйверами всей промышленности и внести заметный вклад в ее результирующие показатели. Были проблемы в моторостроении, но они, заметим, сохранились и поныне.

В огромной России было мало университетов – всего десять. Но уровень образования и профессиональной подготовки в них был не ниже европейского. Это подтверждается вполне эквивалентными обменями преподавателями и студентами, быстрым и качественным переводом научных работ на русский язык притом, что языковая подготовка в гимназиях была вполне приличной. Многие российские ученые публиковались в зарубежных журналах, получали международные премии и признание.

Наука как область духовной жизни и творчества не могла не развиваться параллельно с изобретательством, литературой, живописью и другими сферами искусства. Значительные достижения в этих областях общеизвестны. Более того, многие ученые и изобретатели, оказавшись в эмиграции, внесли неоценимый вклад в развитие принявших их стран.

Кроме университетов, в России было около 50 высших инженерных институтов. Количество российских инженеров и качество их подготовки были таковы, что после вступления США в войну в 1917 г. Россия командировала туда своих инженеров для налаживания массового производства вооружений. Реализация в России множества промышленных и инфраструктурных проектов в конце XIX – начале XX века, включая постройку Транссибирской магистрали, также подтверждает уровень подготовки инженеров.

Народное образование также развивалось достаточно быстро, причем за счет не только государственных и муниципальных средств, но и добровольных пожертвований и волонтерства. Даже критики режима признавали успехи в этой области. Всеобщее начальное образование стало внедряться с 1908 года. В чем действительно были огромные проблемы, так это в деле общественного здравоохранения. Относительная динамика показателей общей и детской смертности в сравнении с европейскими странами была явно негативной. Если в середине XIX века уровни общей и детской смертности незначительно уступали показателям по Германии, Австро-Венгрии и Италии, то в начале XX века разрыв стал очень велик. В результате средняя продолжительность жизни в России была на 10–15 лет короче, чем в европейских странах. Неспособность России существенно снизить уровень детской смертности за 50 лет объясняется не только малой доступностью медицинской помощи, но и антисанитарией как в городе, так и в деревне, низким качеством питьевой воды и отсутствием контроля за качеством продуктов питания.

При оценке уровня развития России следует помнить и об эффекте масштаба. Поскольку население России уступало по численности только Британской империи и Китаю, абсолютная численность городского населения, среднего класса, число грамотных были весьма велики. Накануне мировой войны Россия занимала четвертое место среди промышленно развитых стран, была крупнейшим производителем и экспортером сельскохозяйственной продукции², а ее промышленное производство примерно равнялось показателям Австро-Венгрии. Низкая плотность железных дорог объяснялась размерами территории, но по темпам железнодорожного строительства страна входила число лидеров. Кроме того, Россия имела самый большой в мире речной флот.

Среднегодовые темпы прироста валового выпуска в России с 1885 г. по 1913 г. составляли 3,3%. Среди развитых стран только США, Канада, Австралия и Швеция демонстрирова-

² Только в США в 1913 г. было произведено больше зерна. См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – С. 21.

ли темпы роста, сопоставимые с российскими. Для сравнения: максимальные темпы прироста валового выпуска в СССР наблюдались в период индустриализации с 1928 г. по 1940 г. и составили 5,1%. Если учесть, что в период с 1913 г. по 1928 г. среднегодовые темпы прироста были нулевыми или даже отрицательными, то долгосрочные темпы прироста практически не претерпели существенного изменения.

Экономика России росла экстенсивно как в досоветский, так и в советский периоды, но эффективность использования факторов производства в дореволюционное время росла быстрее, чем в период индустриализации. Так, среднегодовой прирост производства в расчете на одного работника в 1885–1913 гг. составлял 1,7% против 1,4% в 1928–1940 гг. Вклад прироста факторов производства в прирост ВВП составлял за эти периоды 70% и 88%, соответственно. Другое дело, что в период индустриализации изменение отраслевой структуры экономики проходило гораздо интенсивнее. Только с 1928 г. по 1937 г. доля сельского хозяйства в ВВП сократилась в два раза. Дореволюционной России для этого потребовалось около 30 лет³.

История с демографией

Во второй половине XIX века Россия вступила в длительный период демографического перехода, который завершился на большей части страны только в середине XX века. Быстрый рост численности населения сам по себе был показателем роста производства и доходов населения. С другой стороны, высокие темпы роста населения приводили к более медленному росту относительных показателей в сравнении с абсолютными. Объем производства на душу населения в 1913 г. составлял около 40% от французского и немецкого, 20% английского и 1/6 американского⁴. Среди ведущих стран по показателю доходов на душу населения Россия превосходила лишь Японию⁵.

³ Грегори П. Цит. соч. - С. 76, 80–82.

⁴ Заметим, что в настоящее время уровень производительности труда в России в сравнении со странами ЕС колеблется от 20 до 70% по различным отраслям и в целом составляет менее половины.

⁵ Грегори П. Цит. соч. - С. 21.

За период с 1885 г. по 1904 г. население выросло в 1,3 раза, а среднегодовое производство зерна – менее чем в 1,6 раза. Таким образом, были ресурсы и для роста внутреннего потребления, и для экспорта. Голод, периодически охватывавший ряд губерний, был связан скорее с неразвитостью рынков и транспортной инфраструктуры. Напомним, что большинство европейских стран избавилось от периодического массового голода в мирное время только в середине XIX века благодаря развитию импорта продовольствия и массовой эмиграции.

Ежегодный прирост населения России в начале XX века составлял примерно 1 млн чел. Высокий уровень эмиграции (свыше 3 млн чел. за 1897–1916 гг., или около 100 тыс. в год) затрагивал главным образом западные губернии и определялся в основном национальными и религиозными факторами. Города поглощали порядка 300 тыс. чел. в год. Скорее всего, эти данные преуменьшают темпы урбанизации, поскольку не включают временную работу (отхожий промысел) и индустриализацию сельских поселений, не имевших статуса города. С другой стороны, в советское время темпы урбанизации искусственно завышались путем включения в городскую черту окрестных поселений и придания статуса рабочих поселков крупным селам.

Массовая миграция населения в города оказывала давление на рынках труда, что приводило к замедлению роста как заработной платы, так и квалификации и производительности труда. Кроме того, как отмечалось выше, делало неизбежным экстенсивный характер экономического роста.

Быстрое увеличение численности сельского населения приводило к росту малоземелья в крестьянских хозяйствах, что сдерживало повышение его продуктивности и доходов семей. Поэтому колонизация слабозаселенных районов Азиатской России представлялась приоритетной задачей. С 1900 г. по 1914 г. восточнее Урала переселилось около 4,7 млн чел. В том числе после 1907 г. – 3,1 млн чел.

Масштабы миграции в России в начале XX века превышают наиболее крупные проекты сельскохозяйственной колонизации в новейшее время. Заселение причерноморских степей в последней четверти XVIII века привело к миграции 2 млн чел. в течение 20 лет, что примерно равнялось числу

переселенцев первой волны освоения Великих прерий в США в первой половине XIX века. Освоение целинных земель в Западной Сибири и Казахстане в 1954–1960 гг. потребовало переселения также около 2 млн чел. Более того, переселения в 1907–1914 гг. превосходят по масштабам миграцию в связи с индустриальным освоением Урала и Сибири в межвоенное время. При близких количественных оценках следует учесть, что в ареал индустриализации был также включен Южный Урал, не рассматривавшийся в качестве региона колонизации в дореволюционное время⁶.

Немного о государственном управлении

Россия, безусловно, была бюрократическим и полицейским государством. Николай I даже как-то пошутил, что страной управляет не император, а столоначальники. Хотя в России число чиновников в расчете на 1000 человек населения и было несколько выше, чем в других странах Европы, но отличие было невелико. Другое дело, что перечень государственных услуг в России тогда был гораздо уже, чем в большинстве стран Европы. Что касается численности чиновников, то в 1913 г. их было на порядок меньше, чем в настоящее время, при вполне сопоставимой численности населения. Разумеется, перечень государственных услуг и функций государства, сложность государственного управления и информационные потоки внутри государственной системы за 100 лет возросли многократно, но эффективность бюрократической машины в сравнении с другими странами, скорее всего, значительно снизилась. Главной причиной здесь видится постоянное изменение структуры управления и правил игры в настоящее время в сравнении с высокой устойчивостью формальных институтов в Российской империи и преемственностью целей экономической политики даже в периоды реформ.

Там, где бюрократия, там и коррупция. Вспомним хотя бы бессмертные произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина или знаменитое карамзинское: «Что слышно в России? – Воруют». Уровень коррупции был, несомненно, достаточно высоким, но он, как ни странно, мало сказывался на темпах экономического

⁶ Марианский А. Современные миграции населения. – М.: Статистика, 1969. – С. 150–153.

роста и предпринимательской активности. Государство мало вмешивалось в экономические процессы. Даже такие барьеры, как обязательное утверждение устава акционерных обществ императором, не сильно сдерживали процессы накопления и концентрации капиталов. Более серьезной проблемой было вытеснение частных капиталов государственным, что, собственно, и питало коррупцию.

Широко распространены уничижительные оценки современников по поводу профессиональных, организационных и деловых качеств высших сановников империи и генералитета. Достаточно почитать едкие характеристики государственных мужей в мемуарах С.Ю. Витте⁷. Но несомненные экономические и, частично, социальные успехи страны в 1885–1913 гг. не могут быть объяснены усилиями только отдельных людей. Как минимум они имели достаточное количество толковых сотрудников, помощников и исполнителей, а те бездари и интриганы, которых всегда хватало в государственных структурах, не могли им существенно помешать.

Полицейский характер государства был очевиден для современников. Начало централизованной системе политического сыска положил, по-видимому, еще Алексей Михайлович Романов (Тишайший), создавший Приказ тайных дел. Далее функции политической полиции выполняли Преображенский приказ, Тайная канцелярия, Тайная экспедиция, Министерство внутренних дел. Кроме того, в распоряжении губернаторов были собственные структуры тайной полиции.

Новый этап в развитии «правоохранительных органов» связывается с учреждением III отделения собственной его императорского величества канцелярии 3 июля 1826 г. и назначением ее главным начальником шефа жандармов графа А.Х. Бенкендорфа⁸. А.И. Герцен определил создание III отделения как организацию «вооруженной инквизиции, полицейского масонства, имевшего во всех уголках империи, от Риги до Нерчинска, своих братьев, слушающих и подслушивающих»⁹. Он говорил, что эта «центральная контора шпионажа»

⁷ Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849-1911 гг. – М.: Мысль, 1991. – 708 с.

⁸ Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1980 гг.). – М.: Мысль, 1982. – 207 с.

⁹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. XVII. – С. 210–211.

стоит вне закона и над законом¹⁰. Справедливости ради следует заметить, что в начале XX века подобную характеристику вполне заслужили аналогичные структуры и большинства других стран, например Германии или Австро-Венгрии.

Развернутую картину методов работы сыска и репрессий представляет в своих произведениях С.М. Степняк-Кравчинский¹¹, общественный резонанс которых в то время можно сравнить только с «Архипелагом ГУЛАГ» А.И. Солженицына. Разумеется, количество правоохранительных структур и численность полиции, отдельного корпуса жандармов и т.п. не шли ни в какое сравнение с нынешним уровнем. Хотя надзор за состоянием умов был на высоком уровне, превентивные действия полиции были разнообразны, а политические партии и революционные группы кишели осведомителями и провокаторами. Но, как показали последующие события, выполнить свою главную функцию эта система не смогла.

Политика П.А. Столыпина

В настоящее время, когда спрос на охранительную идеологию и жесткие методы подавления оппозиции возрос, а проблема общественной поддержки политики государства обострилась, наблюдается рост интереса к деятельности высших должностных лиц империи. Например, П.А. Столыпину воздаются почести, немислимые 100 лет назад. Оценки деятельности П.А. Столыпина на посту министра внутренних дел и главы Правительства Российской империи разительно отличаются как у современников, так и в последующих работах историков, экономистов, публицистов и политиков. В.И. Ленин дал однозначную характеристику, присвоив ему кличку «вешатель», и объявил о провале аграрной реформы и переселенческой политики. Отрицательно к политике П.А. Столыпина относились Л.Н. Толстой, С.Ю. Витте, И.Е. Репин и многие другие авторитетные современники. Тем интереснее обратиться еще раз к оценке политики этого деятеля, которая фактически продолжалась и после его гибели.

На высших государственных постах П.А. Столыпин решал две задачи: подавление революции и устранение ее

¹⁰ Оржеховский И.В. Цит. соч. – С. 5.

¹¹ Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения в 2-х томах, т. 1. Россия подвластью царей. Подпольная Россия. – М.: Художественная литература, 1987. – 575 с.

предпосылок. Под последним он понимал создание класса «чумазных лендлордов» (по его собственному выражению), которые стали бы еще одной опорой монархии наряду с казачеством, армией, полицией и мелкой городской буржуазией. Революция 1905–1907 гг., вылившаяся в восстания, терроризм, а иногда – в простую уголовщину, была подавлена, но задача создания массовой общественной поддержки режима осталась, как показали последующие события, невыполненной.

С именем П.А. Столыпина связано введение военно-полевых судов и расширение применения смертной казни, изменение закона о выборах, позволившее получить думское большинство, и ограничение автономии Финляндии, отказывавшей в выдаче подозреваемых в революционной деятельности. Сама Дума была перегружена принятием второстепенных актов, чтобы меньше бузила. Были предприняты усилия по устранению правовой асимметрии в Российской империи, выразившиеся в изменении управления в западных губерниях. П.А. Столыпин предпринял определенные шаги в решении так называемого «еврейского вопроса» и эмансипации евреев. Во всяком случае, после 1907 г. погромы практически прекратились.

Экономическая политика П.А. Столыпина и механизмы взаимодействия властей и бизнеса практически не изменились со времен С.Ю. Витте и И.Л. Горемыкина, равно как внешняя и внешнеэкономическая политика.

Аграрная политика, направленная на разрушение общины и укрепление института мелкой частной собственности на землю, была в целом успешной, хотя, как показывают современные работы, институт общины фактически мало препятствовал развитию института частной собственности¹².

Особенно важными были запоздалые решения об отмене выкупных платежей и активизации работы Крестьянского поземельного банка. В то же время с позиций продуктивности сельского хозяйства, как показывают опубликованные данные, революции не произошло. Возможно, из-за того, что повышение продуктивности происходило с большим запаздыванием.

¹² Грегори П. Цит. соч. – С. 53–54.

Важно, что переселение начала XX века сопровождалось и ростом сельскохозяйственного производства в местах выезда крестьян. Это говорило о том, что действительно решалась проблема аграрного перенаселения. Сравнение аграрной колонизации с освоением целинных земель в 1954–1960 гг. – не в пользу последнего. Освоение целины потребовало более четверти инвестиций в сельское хозяйство всей страны, что привело к его недоинвестированию в других районах и в дальнейшем – к деградации сельского хозяйства и системы расселения в ряде центральных областей РСФСР.

Следует отметить, что реализация переселенческой политики П.А. Столыпина была бы невозможной без строительства Транссибирской магистрали при его предшественнике С.Ю. Витте, подобно тому, как вторая волна колонизации Среднего Запада США и канадских прерий прошла после строительства железных дорог. Это показывает, что даже при отсутствии Госплана и Госснаба в тогдашней России со стратегическим планированием, экономической и региональной политикой дело обстояло вполне благополучно.

Вместо заключения

В 1913 г. Россия была менее развитой страной в сравнении с тогдашними странами-лидерами, но уже относилась к числу развитых. Институциональные проблемы, высокая степень монополизации, бюрократическое вмешательство и коррупция, по-видимому, негативно сказывались на темпах экономического роста, но в целом не могли его сдерживать, что подтверждается количественными оценками и динамикой изменения структуры экономики. Запоздавшая аграрная реформа лишь частично изменила ситуацию: для ее завершения просто не хватило времени. Экономике дореволюционной России следует признать в большей степени рыночной, чем современной. Другими словами, институты рыночной экономики функционировали более эффективно, решения в большей степени принимались децентрализованно, а цены в основном устанавливались в результате функционирования рыночных механизмов.